

А. В. ГРИНЕВ,

профессор кафедры истории СПбГУП, доктор исторических наук

КУЛЬТУРНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ РУССКИХ У ТУЗЕМЦЕВ АЛЯСКИ В XVIII–XIX ВЕКАХ

Особенности взаимодействия различных культур наиболее ярко проявляются при контактах этносов, резко различающихся между собой по происхождению, языку, быту, уровню социально-экономического развития, религии. Примером подобных контактов могут служить взаимоотношения русских и коренного населения Алеутских островов и Аляски в XVIII–XIX вв. Эта тема уже неоднократно привлекала внимание ученых. Правда, в их исследованиях основной упор делался на изучение воздействия российской колонизации на местных туземцев¹, влиянию же туземной культуры на пришельцев не всегда уделялось должное внимание.

Анализируя эту проблему, необходимо подчеркнуть, что объем заимствований русских у туземцев Аляски существенно отличался по масштабу в зависимости от периода и места культурных контактов.

¹ Дзенискевич Г. И. Товарообмен у атапасков Аляски в первой половине XIX в. // Проблемы истории и этнографии Америки. М., 1979. С. 254–264; Федорова С. Г. Русское наследие в судьбах коренного населения Аляски // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981. С. 244–266; Ляпунова Р. Г. Этнокультурные контакты русских с алеутами и тихоокеанскими эскимосами в XVIII–XIX вв. // Америка после Колумба: Взаимодействие двух миров. Проблемы индеанистики. М., 1992. С. 73–85; Crowell A. W. Archaeology and the Capitalist World System. A Study from Russian America. N. Y.; L. 1997 и др.

На начальном этапе российской колонизации Нового Света, когда русские торговцы и добытчики пушнины — промышленники — осваивали Командорские и Алеутские острова (1743–1783), заимствований было не слишком много, но они имели существенное значение, так как касались жизненно важных объектов — жилищ, транспорта, одежды и пищи. Это объясняется трудностями доставки в Охотск и на Камчатку самых необходимых товаров и припасов европейского производства, а потому русским мореплавателям на отдаленных островах приходилось широко использовать местные продукты, материалы и предметы туземной культуры, хотя и весьма ограниченного ассортимента.

На безлесных Алеутских островах промышленники были вынуждены строить жилища, почти аналогичные полуземлянкам местных алеутов, которые сохраняли тепло во время частых ураганных ветров и требовали для своего сооружения меньше дерева, чем обычные русские избы. Одно из таких жилищ было описано участниками третьей кругосветной экспедиции знаменитого английского мореплавателя Дж. Кука, которые побывали на острове Уналашка в декабре 1778 г. Судя по описанию, это было сооружение казарменно-складского типа, в котором сочетались элементы русских и алеутских построек: строение было наземным, и вход со стороны фасада (в отличие от полуподземных общих

алеутских домов со входом через отверстие в крыше), но кровля — сводообразная, покрытая дерном и травой, на манер алеутских жилищ¹. Подобные жилища русские строили на Алеутских островах вплоть до 1820-х гг., когда на острова стали достаточно регулярно завозить бревна, а порой и разборные деревянные дома из «столицы» Русской Америки — Ново-Архангельска.

Очень широко использовали русские промышленники традиционные транспортные средства алеутов и эскимосов — небольшие, полностью обшитые кожей байдарки (каяки) с люками в верхней части, а также крупные открытые лодки — байдары, представлявшие собой деревянный каркас, также обшитый моржовой или тюленьей кожей. Преимущество этих транспортных средств состояло в доступности материалов для их изготовления и ремонта, относительно небольшом весе и быстроходности. К недостаткам относились непрочность обшивки, которую можно было легко повредить об острые скалы или лед, а также необходимость периодически сушить и смазывать жиром кожаную обшивку, иначе под воздействием морской воды она трескалась и давала течь. Поэтому в XIX в. русские иногда приобретали деревянные каноэ индейцев тлинкитов, населявших юго-восточную Аляску. Так, в 1842 г. у них было куплено три лодки для партии эскимосов, отправленных на промыслы у берегов Камчатки, а в 1853 г. приобретено еще несколько каноэ для алеутов острова Унга².

Большие кожаные байдары служили для перевозки нескольких человек и крупногабаритных грузов, а байдарки — преимущественно для транспортировки людей, причем русские, в отличие от алеутов и эскимосов, которые употребляли главным образом одно- и двухключные байдарки, плавали только в трехключных (в среднем люке) в качестве пассажиров, а гребцами были местные туземцы. Оба транспортных средства — байдары и байдарки — применялись русскими вплоть до продажи Аляски США в 1867 г.³ В Русской Америке возник даже специальный термин «байдарщик», которым обозначался начальник небольшой артели промышленников и туземцев, имевшей обычно одну-две байдары.

¹ *Кук Дж.* Третье плавание капитана Джеймса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776–1780 гг. / пер. с англ., вступ. ст. и коммент. Я. М. Света. М., 1971. С. 562–563; *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века — 1867 г. М., 1971. С. 198.

² АВПРИ, ф. РАК, оп. 888, д. 1008, л. 90; д. 1009, л. 63; д. 1021, л. 36 об. (м/ф).

³ См.: *Блашке Э.* Несколько замечаний о плавании в байдарках и о лисьевских алеутах // *Морской сборник.* 1848. № 3. Т. I. С. 115–124; № 5. С. 160–165.

Особенностью путешествия на байдарках было то, что в них плавали, надев поверх одежды непромокаемую рубаху, так называемую «камлею», сшитую из кишок морских животных, — еще одно в высшей степени полезное изобретение алеутов. Так, по свидетельству участника экспедиции Дж. Кука, помощника хирурга Д. Самвелла (1778), штурман Г. Г. Измайлов прибыл к их кораблю на трехключной байдарке, одетый в алеутскую камлею⁴. Помимо непромокаемых камлей, промышленники использовали также теплую одежду местных жителей — так называемые парки — глухие рубахи ниже колен, которые шились из шкур животных или птиц.

Даже после основания постоянных русских поселений (с 1784 г.) на острове Кадьяк, а затем в Южной и Юго-Восточной Аляске и начала более или менее регулярных чартерных плаваний на Камчатку и в Охотск промышленники продолжали использовать в быту туземную одежду. Неслучайно посетивший в 1794 г. одно из русских поселений в заливе Кука известный английский мореплаватель Дж. Ванкувер отмечал: «Русские весьма легко принимают обыкновения туземцев, во многом весьма сближаются с их нравами. Они приняли совершенно их пищу и одежду, и наружным видом весьма мало отличаются от природных жителей»⁵.

Положение почти не изменилось после образования единой монопольной Российско-Американской компании (РАК) в 1799 г., которой были подчинены российские колонии в Новом Свете. Промышленники, особенно в начальный период существования РАК, регулярно экипировались птичьими или котиковыми парками и кишечными камлеями, как правило, сроком на два года. Если в столице российских колоний Ново-Архангельске в связи с относительно лучшим снабжением европейская одежда (хотя и весьма низкого качества) находилась во всеобщем употреблении, то на Уналашке и в отдаленных редутах и факториях русские и служившие наряду с ними креолы (метисы) часто одевались на «полуалеутский» или «полуэскимосский» манер. Таким образом, в этих поселениях вместе с традиционной русской одеждой (матерчатými штанами, рубахами, сапогами, шапками) использовалась одежда аборигенных народов⁶.

Во время экспедиций на Алеутские острова промышленники вынуждены были приспособиваться к пище местных жителей —

⁴ *Кук Дж.* Указ. соч. С. 563–564.

⁵ Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. СПб., 1861. Вып. IV. С. 29.

⁶ *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. С. 209–210.

рыбе, мясу тюленей и китов. Подобные традиции были продолжены и на Аляске. Дж. Ванкувер описал завтрак русских промышленников в их поселении на полуострове Кенай следующими словами: «Русские сидели за завтраком, состоящим из вареного тюленьего мяса, китового сала и нескольких вареных яиц; опрятность и приготовление их трапезы тут совершенно соответствовали качеству яств, оную составляющих»¹. Основным же продуктом питания как промышленников, так и местных жителей была рыба — свежая или сушеная, копченая или заквашенная в ямах на туземный манер (так называемая «юкола»). Лейтенант Ф. П. Литке, побывавший в 1818 г. на Кадьяке, свидетельствовал о быте простых служащих РАК: «Содержание их весьма бедное: они едят вообще одну юколу». Хлеб, мясо и молоко почти не попадали на стол промышленников, а головы только что пойманных рыб и китовое мясо они, как писал Литке, «почитают лакомством»². Так же как туземцы, промышленники ели крабов и моллюсков, совершенно не характерных для традиционной русской кухни. Лишь начиная с 1818 г., когда к власти в колониях пришли морские офицеры и была введена система жалованья, простые работники РАК стали относительно регулярно получать ежемесячный паек — обычно в виде одного пуда пшеничной муки и некоторых других продуктов. Рыбу стали гораздо чаще засаливать, но преимущественно в Ново-Архангельске, куда соль поставлялась из Мексики и с Гавайев, а в других местах колоний юкола продолжала составлять значительную часть рациона служащих компании.

Усвоив ряд элементов туземной материальной культуры, русские на Аляске активно использовали некоторые предметы традиционной торговли аборигенов в товарообмене с ними. Так, они снабжали внутриматериковых индейцев атапасков их излюбленным украшением — трубчатыми раковинами моллюска *Dentalium*, которые добывались у берегов острова Ванкувер и были известны в Русской Америке как «цукли»³. Эти раковины русские приобретали у индейцев тлинкитов на побережье. В свою очередь, тлинкиты получали от приказчиков РАК дубленые лосиные кожи, горностаевые шкурки, меховые парки и моржовую кость⁴. Таким образом, русские зачас-

тую выступали как посредники в традиционной межплеменной торговле, а не как поставщики европейских товаров.

Осваивая Алеутские острова и Аляску, промышленники охотно перенимали методы эксплуатации, уже сложившиеся в местных обществах, — в первую очередь патриархальное рабство, которое в 1790-х гг. трансформировалось в своеобразный институт «каюрства», просуществовавший до начала 1820-х гг.⁵

В Новый Свет из России отправлялись в основном молодые холостые мужчины, а потому связи и браки русских промышленников с туземками были обычным явлением (их потомство было известно в колониях как креолы). Так же, как и на начальных этапах освоения Сибири, где многоженство было распространенным⁶, на Алеутских островах и Аляске промышленники содержали порой несколько наложниц из числа местных туземок, что, впрочем, вполне соответствовало местным традициям. Ф. П. Литке, посетив Кадьяк в 1818 г., свидетельствовал: «Обыкновение держать (подчеркнуто Литке. — А. Г.) по две жены довольно обще не только между островитянами, но даже и русскими промышленными. Много было споров о том, полезно сие или вредно; но наконец, кажется, решились на сие смотреть сквозь пальцы и даже, как говорят, отец Герман (глава Кадьякской духовной миссии. — А. Г.) дал на то свое согласие, думая, что запрещение... повлечет за собой разврат»⁷. Лишь с укреплением власти морских офицеров в начале 1820-х гг. подобные случаи стали строго пресекаться.

Издредка русские пытались подражать туземцам в проведении некоторых торжественных церемоний, особенно во взаимоотношениях с воинственными индейцами тлинкитами — при их встрече вождей, начале торговли и т. д. Но в целом социальное поведение аборигенов Аляски не стало частью культуры местного русского, точнее — русскоязычного населения колоний (с 1820-х гг. здесь появляются наемные «финляндские уроженцы» — финны и шведы, а также немцы, якуты и представители других национальностей).

В заключение следует сказать также о некоторых заимствованиях из языков коренного населения Аляски. Слов, обозначающих предметы, было адаптировано очень мало: цукли (раковины), калуга (от искаженного алеутского слова «калюкак» — деревянная миска), ишкат (плетеная корзинка), кажим

¹ Материалы для истории... С. 22.

² РГАВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 8, л. 162 об.

³ Загоскин Л. А. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. / общ. ред., прим. и коммент. М. Б. Черненко, Г. А. Агранат, Е. Э. Бломквист. М., 1956. С. 49.

⁴ Гринев А. В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки (1741–1867 гг.). Новосибирск, 1991. С. 195.

⁵ См. подробнее: Гринев А. В. Туземцы-каюры в Русской Америке // История и семиотика индейских культур Америки. М., 2002. С. 464–477.

⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. II. С. 84–85.

⁷ РГАВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 8, л. 168.

(мужской дом) и некоторые другие. Дело в том, что русские до появления на Аляске уже усвоили многие специфические термины из языков сибирских народов, служащие для обозначения самых разных явлений, а затем механически перенесли эти понятия и слова в Новый Свет. Так, слово «камлейка» пришло из языка чукчей («кэмлилюн»); дома аборигенов Аляски в Русской Америке обозначали тюрко-монгольским словом «юрта» или камчадалским «барабора»; родового старейшину у алеутов, эскимосов и индейцев русские звали якутским словом «тойон» или «тоен» и т. д.

Помимо обычных слов, обозначавших те или иные явления, русские заимствовали местные этнонимы, к которым добавляли свои суффиксы и окончания, обозначавшие множественное число (кенайцы, колоши, угалахмюты, аглегмюты и др.). Особенно много было адаптировано русским языком различных топонимов из языков коренного населения Аляски и Алеутских островов (само слово «Аляска» — Алахшах или Алакшак — «Большая Земля», Кадьяк, Ситха, Кускоквим, Юкон и т. д.¹).

Можно прийти к выводу, что культурные заимствования русских у туземцев Нового Света носили преимущественно утилитарный характер и ограничивались почти исключительно сферой материальной культуры. Духовная культура аборигенов, за исключением некоторых языковых заимствований, главным образом топонимического характера, так и осталась за пределами культурного круга выходцев из России. Очевидно, что причины такой ситуации крылись в слабом знании русскими аборигенных языков и значительном влиянии православной религии, через призму которой традиционные верования и обычаи коренного населения воспринимались как порождение нечистой силы. Кроме того, пришельцы значительно превосходили аборигенов в уровне технических и общенаучных знаний, а потому воспринимали духовную культуру местных народов как отсталую и примитивную, а самих ее носителей, как «диких», то есть дикарей, которых необходимо просветить христианской верой и ознакомить с основами европейской цивилизации посредством приобщения к русской культуре.

¹ См. : Варшавский С. Р. Увековеченная слава России: Топонимические следы Русской Америки на карте Аляски. Магадан, 1982.